

Роль внутренней речи в высших психических процессах*

Анке Верани

научный сотрудник Института фонетики и обработки речи, Университет г. Мюнхена

Рассматриваются функции внутренней речи как необходимого и важного процесса, который устанавливает взаимосвязь между речью и мышлением. С момента основания культурно-исторической психологии Л. С. Выготским исследования соотношения и связи между мышлением и речью стали более интенсивными. Л. С. Выготский полагает, что в исследованиях речи и мышления заключается постижение сложных функций человеческого сознания. В контексте функций речи и сознания интерес к внутренней речи возрос еще больше. Внутренняя речь, однако, является также важной областью для психолингвистических исследований. Наконец, стало ясно, что роль речи должна быть лучше интегрирована в исследования процессов мышления, регулирующих функций, языковых процессов, сознания, произвольных действий и развития личности.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, мышление и речь, внутренняя речь, генезис внутренней речи, функции внутренней речи.

Введение. Психолингвистические исследования: постановка проблемы

Исследования в области внутренней речи хорошо известны, но внутренняя речь, к сожалению, не получила должного внимания в области психолингвистических и психологических исследований. Это удивительно, учитывая, что речь играет столь важную роль в нашей жизни: речь используется для общения, но, с психолингвистической точки зрения, она также используется в когнитивных процессах [24; 11]. В интеграции коммуникативных и познавательных процессов внутренняя речь связывает оба процесса. Цель данной статьи — разъяснить функции внутренней речи, особенно те, которые касаются коммуникативных и когнитивных процессов. Благодаря способности говорить и использовать язык, у людей развивается сознание, которое тесно связано с внутренней речью. Кроме того, способность использовать язык организует наше поведение через две основные функции: ориентировки и регуляции. Можно предположить, что внутренняя речь принимает участие в процессе производства речи (коммуникативные аспекты), а также и в высших психических процессах (познавательные аспекты).

В советской психологии, как нигде еще, речь занимала центральное место в изучении психических процессов. По мнению Х. Хорманна [10], советская психология никогда не была психолингвистикой в том смысле, что ей необходимо было доказывать психологическую реальность лингвистических теорий и моделей. Психолингвистические исследова-

ния долго понимались неправильно, они воспринимались в качестве вспомогательной науки для лингвистики, а также и для психологии. Таким образом, важно понимать, что советские исследования включают в себя множество аспектов психологии речи, которые должны рассматриваться в качестве очень глубокой формы психолингвистических исследований. Основной вопрос — существуют ли в действительности два вида психолингвистических исследований: с одной стороны, более лингвистически ориентированная психолингвистика, которая базируется на парадигме когнитивизма (например, [5]), а с другой стороны, психолингвистическое исследование, основанное на говорящем, думающем и действующем человеке. Советские исследования в психолингвистическом ключе необходимо и важно продолжить, и на сегодняшний день уже много работ было проведено (например, [28; 4]).

Три аспекта советской психологии, основополагающие для психолингвистических исследований, далее обобщаются и поясняются со ссылкой на Л. С. Выготского [23], — это речь, развитие и социальная активность**. Эти области всегда взаимодействуют между собой и их трудно отделить друг от друга. Тем не менее, я постараюсь сосредоточиться в первую очередь на них.

Как уже отмечалось, (внутренняя) *речь* необходима для общения, а также для познания. (Внутренняя) речь является важной способностью. Она центральная для нашего сознания (в целом) и необходимая для высших психических функций (в частности). Сосредоточивать внимание на речевых процес-

* Перевод с английского А. Сырцовой. Научная редакция Б. Г. Мещерякова.

** Для ознакомления с культурно-исторической психологией см., например: [29; 12; 13] или [25].

сах как на фундаментальном механизме познавательных процессов не является общепринятой точкой зрения в психологических исследованиях, которые при рассмотрении познавательных процессов в основном ориентируются на когнитивные науки. В настоящее время когнитивные науки формируют большую часть психологических исследований. В когнитивном подходе (когнитивизме) разные способности человеческого мозга изучаются в отдельных областях. Речь, следовательно, оказывается лишь частью познавательных процессов, так же как внимание, память, решение задач и т. д. (см., например: [2]). На мой взгляд, это очень формальный подход, когда процесс мышления рассматривается как процесс переработки данных. Более того, когда мы пытаемся представить результаты в квазикибернетических моделях — это упрощение процесса мышления. Речь — это не что иное как один из познавательных процессов. Речь не признается инструментом познавательных процессов. Рассмотрение человеческих способностей изолированно друг от друга вызывает много сомнений. В первую очередь людям необходимо рассматривать целостно и обдумать, что же их формирует [29]. С моей, психолингвистической, точки зрения, невозможно, например, осознавать себя, быть способным запоминать или решать задачи без речи. Центральная роль внутренней речи заключается в объединении коммуникативных и когнитивных навыков, а также в подчеркивании того факта, что речь является основной частью высших психических процессов и необходима для них.

Исторический метод предполагает, что исследование высших психических процессов должно принимать во внимание филогенетические и онтогенетические аспекты. Это означает, что исторический метод включает процесс *развития* в исследование высших психических функций. Л. С. Выготский уверен в том, что сознание человека имеет социально-историческое происхождение. Исторический принцип также осветил важность лингвистического (языкового) действия и соединил его с концепцией интериоризации [24].

Одно из основных предположений Л. С. Выготского состоит в том, что индивидуальное сознание развивается на основе отношений с другими через *социальную деятельность*. Человеческое сознание и все другие высшие психические функции, таким образом, имеют социальное происхождение. Л. С. Выготский был убежден в том, что индивид развивается во взаимодействии со своей окружающей средой и своей культурой. Влияние этих социально-исторических аспектов всегда должно приниматься во внимание, когда мы размышляем о человеке и его социальной и психической жизни.

Речь, развитие и социальная деятельность всегда должны рассматриваться в связке друг с другом. Фундаментальная структура речи — структура общения — диалогична; иначе способность говорить не была бы возможной. Диалогичная структура начинается с овладения языком: родитель учит ребенка го-

ворить, по-другому ребенок не способен овладеть языком. Это означает, что мы не можем самостоятельно осваивать язык. Жизнь начинается с социального взаимодействия в форме диалогической речи. Л. С. Выготский [24] исходит из того, что внешняя речь, в особенности эгоцентрическая речь, интериоризируется в раннем детстве. Интериоризация создаваемых во внешнем плане высказываний означает, что все диалогические структуры «уходят внутрь». В плавном переходе интерпсихические процессы превращаются в интрапсихические. Всякий раз, когда мы говорим с собой, это может быть часть нашего Я или же воображаемый партнер. Дж. Г. Мид [19; 20] различает «I» и «me». «I» — это осознанное «Я», спонтанное и творческое, а «me» является частью нас, которую Мид называет обобщенный другой. Обобщенный другой — это вид сознания, это мнение большинства в нас вместе со всеми нашими культурными нормами и ценностями. Сюда также входит интериоризированное воображение, т. е. видение нас другими и их ожидания от нас.

Помимо этих аспектов развития и основных предположений о взаимодействии люди приобретают свои психические процессы посредством культурных социальных знаков [24]. «Как инструмент, знак определяет структуру психического процесса, на который он воздействует» [18 (перевод — А. В.)]. Л. С. Выготский указывает, что человек создает новые стимулы в процессе осуществления трудовой деятельности (за рамками схемы стимул-реакция), которые Выготский называет знаками (например, числа, слова, символы). В первую очередь, знаки имеют социальный характер, поскольку они служат для коммуникации и тем самым определяют социальное поведение. Слово является командой для других и, кроме того, средством регуляции своего собственного поведения. Ребенок присваивает себе такое поведение, которое показано ему другими [18]. В целом все психические процессы являются всегда социальными, проистекающими из социальных знаков. Л. С. Выготский подчеркивает, что знак влияет своим значением, а не своим физическим состоянием. Л. С. Выготский старается рассмотреть все психические функции и человеческое сознание на фоне социальных, корпоративных и исторических результатов. Вместе с понятием интериоризации он отстаивает историческую точку зрения в психологических исследованиях. Кроме того, знаки абстрактны. Они отделены от непосредственных стимулов и могут быть обращены на нас самих. Таким образом, не только внешние стимулы могли бы инициировать поведение, но и интериоризированные слова. Л. С. Выготский расширяет схему стимул-реакция путем введения знаков как опосредующих элементов. Знаки существуют вне людей. Система знаков интериоризируется в ходе развития. Соотношение речи и мышления основывается на социальных контактах между людьми. Интериоризация речи проходит через три этапа: социальный, эгоцентрический и этап интериоризации. В целом высшие психические

процессы приобретаются через социальную деятельность, благодаря которой развиваются и формируются психические функции индивида.

Таким образом, высшие функции находятся вне индивида и проявляются в межличностных отношениях. Эти социальные, межличностные отношения трансформируются во внутриличностные процессы, что составляет идею процесса интериоризации: все люди проходят путь развития от социального к индивидуальному человеку. Это допущение предполагает, что для изучения психологических процессов необходимо рассматривать не только отдельного человека или индивидуальную психику, но также и человека в отношении его культурной среды [29].

В заключение отметим, что объяснения сознания и абстрактного мышления должны быть тесно проанализированы в связи с языковыми способностями. Предполагается, что корни этих сложных процессов находятся в формах социального существования людей. Следовательно, основная функция языка зафиксирована, что позволяет абстрагировать характеристики от объектов, кодировать и обобщать их. Основное отличие этого взгляда на проблему по сравнению с традиционной психологией состоит в том, что источники человеческого сознания ищутся не в глубинах души и не в самостоятельно действующих механизмах мозга. Источники сознания разыскиваются в реальных отношениях людей со своей действительностью, в их социальном развитии, а это естественным образом связано с трудом и речью. Социальный труд неразрывно связан с развитием сознания человека и характеризует жизнедеятельность человека, образует новые поведенческие формы, прежде всего в разделении труда. Эти новые поведенческие формы не зависят от элементарных биологических мотивов. Труд, а с ним и разделение труда, выявляет формирование социальных поведенческих мотивов. Именно в контексте всех этих факторов люди создают новые комплексные мотивы действий.

Наконец, разговор друг с другом зависит по крайней мере от двух собеседников: от себя и другого человека. Другой человек может, действительно, существовать, или он (они) может быть интрапсихически воображаемый. Принцип представляет собой диалогическую структуру и убежденность в том, что фундаментальная структура бытия имеет социальный характер. В центре моего внимания находится переход от интерпсихических процессов к интрапсихическим. Одна из важных тем — это генезис внутренней речи; ее я более подробно рассматриваю в другой работе [27]. Далее я обсуждаю интрапсихологические структуры человека и роль внутренней речи. Мои исследования внутренней речи всегда включают интерпсихические процессы. Несомненно, внутренняя речь является одной из наиболее интересных тем в области психолингвистических исследований.

Функции внутренней речи

Внутренняя речь является главным вопросом в психолингвистических исследованиях. В этой статье я остановлюсь на функциях внутренней речи и соотнесу эти функции с высшими психическими процессами. По Дж. Верчу [29], Л. С. Выготский рассматривает высшие психические процессы по четырем характеристикам: (1) внутренняя регуляция вместо внешней, (2) сознание, (3) социальное происхождение и социальный характер, (4) семиотическое опосредствование. Относительно автономные когнитивные системы взрослого в цивилизованном обществе создаются коллективной регуляцией действия. Одним из основных инструментов для высших психических процессов является внутренняя речь. Советские психологи уделяли внутренней речи значительное внимание [24; 1; 7; 8; 22]. Их точка зрения будет представлена ниже.

Л. С. Выготский [24] обосновал широко распространенное понятие внутренней речи. Его интересовал генезис внутренней речи, а также семантические и синтаксические структуры*. Его концепция является основой для всех последующих работ и, следовательно, имеет основополагающее и революционное значение для всех психолингвистических исследований.

Л. С. Выготский, рассматривая концепцию эгоцентрической речи Ж. Пиаже, смог доказать, что эгоцентрическая речь является предварительным этапом внутренней речи. Эгоцентрическая речь увеличивается, когда детям дают решать различные задачи, она помогает им при решении этих задач. «... Эгоцентрическая речь помимо чисто экспрессивной функции и функции разряда, помимо того, что она просто сопровождает детскую активность, очень легко *становится мышлением в собственном смысле этого слова*, т. е. принимает на себя функцию планирующей операции, решения новой задачи, возникающей в поведении» [23, с. 86]**.

Довольно легко выделить функции внутренней речи, по Л. С. Выготскому, так как он выделяет две различные ситуации, посредством которых функция может быть изменена. Во-первых, внешняя речь представляет собой «речь для других»; она направлена на социальную деятельность, у нее есть функция для общения и, таким образом, для поведенческой регуляции других. Во-вторых, внутренняя речь является «речью для себя»; она направлена на свою собственную психологическую деятельность и таким образом становится функцией саморегуляции. В целом Л. С. Выготский говорит об «умственной ориентировке» и об «осознании, преодолении трудностей и препятствий». Внутренняя речь — «это менее всего аккомпанемент, это самостоятельная мелодия, самостоятельная функция, служащая целям умственной ориентировки, осознания, преодоления за-

* Структура и генезис внутренней речи не являются основным предметом данной статьи.

** Цит. по русскому изданию: *Выготский Л. С. Собрание соч.*: В 6 т. Т. 2. С. 108.

труднений и препятствий, соображения и мышления, это речь для себя, обслуживающая самым интимным образом мышление ребенка» [23, с. 228]*.

Внутренняя речь становится средством мышления; она, по Л. С. Выготскому, участвует как в коммуникативных, так и в когнитивных процессах и является, таким образом, переходной формой от говорения к мышлению и наоборот.

А. Р. Лурия [14; 15] расширил взгляд Л. С. Выготского по трем аспектам: (1) исследование внутренней речи в отношении ее регулятивной функции; (2) добавление нейрофизиологических процессов, касающихся психологической деятельности, которые, в частности, соответствуют нарушениям речи, возникающим после поражений мозга; (3) рассмотрение синтаксиса в процессе освоения языка (производство языка и его восприятие). А. Р. Лурия придавал особое значение суждению Л. С. Выготского, что внутренняя речь играет важную роль в интеллектуальных и поведенческих регулирующих функциях.

Для А. Р. Лурии [14; 15] самым важным вопросом является вопрос о роли внутренней речи в волевом акте: «Волевой акт начинает пониматься не как первично духовный акт и не как простой навык, а как опосредствованное по своему строению действие, опирающееся на речевые средства, причем под этим имеется в виду не только внешняя речь как средство общения, но и внутренняя речь как средство регуляции поведения» [15, р. 106]**.

А. Р. Лурию также интересовала проблема развития саморегуляции и функции регуляции внутренней речи. Результатом его исследований является различие плавных переходов этой функции. Основа развития лежит в приобретении ребенком способности подчинять себя языку взрослых. «Источником развития регулирующей функции речи является способность ребенка подчиняться речи взрослого. Речь взрослого, часто сопровождающаяся указательным жестом, является первым этапом, который вносит существенные изменения в организацию психической деятельности ребенка. Называние предмета матерью и ее указательный жест перестраивают внимание ребенка, выделяют объект из ряда других» [15, р. 90]***.

Я думаю, что это важный шаг в освоении языка, когда ребенок уже не только случайно направляет свое внимание на новые появляющиеся привлекательные предметы, но и посредством речи взрослых. Развитие этой способности — направление внимания ребенка с помощью речи взрослых — начинается

с жестов, сопровождающихся лингвистически, и заканчивается управлением вниманием ребенка с помощью языковых жестов. Реструктуризация внимания ребенка происходит благодаря языку взрослых. Язык вызывает ориентировочный рефлекс ([15]; А. Р. Лурия ссылается здесь на опыты Бронштейна и работу Брунера (1973)). Мать связывает слово с объектом, и реакция ребенка принимает конкретную форму. Слово взрослого становится регулятором поведения ребенка. Таким образом, слово выводит организацию поведения ребенка на качественно более высокий уровень. Данную реакцию можно укрепить, если взрослый усилит свое языковое выражение каким-то действием (например, исследователь не только называет объект, но и действует с ним). Тем не менее скучное действие систематически препятствует языковому подчинению. Завершенное действие в определенной степени тормозит регулирующее влияние речи.

Ребенок должен подчинить свое поведение словесным командам взрослого [15]. Он осваивает систему словесных инструкций и начинает использовать эти инструкции для регуляции своего собственного поведения. Тогда структура общения между ребенком и взрослым изменяется коренным образом, команды становятся интрапсихологическими и интериоризируются. Ребенок приобретает новый уровень регуляции поведения — саморегуляцию. Он начинает регулировать свое поведение с помощью собственной речи. Способность к саморегуляции осуществляется путем расширения речи, которая постепенно разворачивается внутрь и становится внутренней речью.

А. Р. Лурия обращает внимание на возникновение языка: язык углубляет и обогащает непосредственное восприятие и формирует сознание человека. В таком случае слова тоже участвуют в формировании психических процессов [17]. В соответствии с подходом А. Р. Лурии, это развитие можно обобщить следующим образом: «... подчинение действий ребенка речевой инструкции взрослого вовсе не простой акт, и оно возникает не сразу, т. е. регулирующая функция речевой инструкции взрослого развивается постепенно» [15, р. 96]****. В ходе развития внутренняя речь становится корректирующим фактором для всех видов умственных и прикладных действий, она является частью почти всех основных функций человеческой деятельности. Речь включена в деятельность и дает новую точку входа в область умственной деятельности [17].

* Цит. по русскому изданию: *Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2. С. 319.* На самом деле, Выготский пишет здесь об эгоцентрической речи, но поскольку он указывает ее функции, общие с функциями внутренней речи, то замена терминов не приводит к смысловой ошибке. — *Прим. науч. ред.*

** Цит. по русскому изданию: *Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 139–140.* Любопытно, что в статье А. Верани эта цитата имеет дополнительное предложение, которое есть в издании на английском языке, но отсутствует в русском издании (1979): «*A typical form of such regulative speech is the inner speech which originates in external speech but evolves into a novel psychological formation*» [15, р. 106]. — *Прим. науч. ред.*

*** Цит. по русскому изданию: *Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 121.*

**** Цит. по русскому изданию: *Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 126, 128.*

Внутренняя речь является важным условием для развития высших психических процессов и мышления. С одной стороны, мышление развивается из действия, с другой — мышление функционирует более логично, если действия и внешняя речь могут быть интериоризованными, абстрактными и обобщенными. А. Р. Лурия полагает, что внутренняя речь занимает особое место между внешней речью и мышлением. Она устанавливает связь между мыслью и словом и является посредником между мышлением и говорением. Кроме того, внутренняя речь принимает участие во всех психических процессах, зависящих от языка и осуществляемых в сопровождении языка. А. Р. Лурия и Ф. И. Юдович [17, с. 60] объясняют это предположение следующим образом: «Внутренняя речь ... участвует в протекании почти всех форм психической деятельности человека...»*.

В отношении процессов мышления А. Р. Лурия [16] соглашается с предложенными Л. С. Выготским и П. Я. Гальпериным этапами интериоризации: мышление начинается с широкого круга внешних действий, проходя через фазу внешней речи к фазе развернутой внутренней речи, что позволяет регулировать процессы поиска. И, наконец, эти процессы достигают фазы интериоризации, сокращения и конденсации внешних процессов поиска.

Помимо этих генетических и функциональных аспектов А. Р. Лурия обсуждает локализацию внутренней речи в анатомических областях мозга. Его интересует, какие мозговые механизмы лежат в основе сознательного волевого акта человека, т. е. вопрос о мозговой организации волевого акта.

А. Р. Лурия обогащает свои представления о природе внутренней речи, используя две научно-исследовательские области. Во-первых, он сосредоточивается на развитии внутренней речи у детей. Во-вторых, он интересуется нейропсихологическими феноменами, особенно у пациентов с афазиями (см.: [26]). И то и другое вводит новые аспекты в теорию внутренней речи. Очень важными являются работы А. Р. Лурии о регулирующей функции внутренней речи. Так, он продвигает на шаг вперед предположение Л. С. Выготского, что умственная ориентировка является наиболее важным процессом внутренней речи. А. Р. Лурия уверен, что внутренняя речь является существенным условием для развития высшей нервной психической деятельности и мышления. Он рассматривает внутреннюю речь как средство, подходящее для всей остальной психической деятельности.

Б. Г. Ананьев [1] формулирует собственную теорию внутренней речи в контексте своей теории о

психологии чувственного познания. Он подчеркивает, что помимо функции контроля внутренняя речь играет большую роль в развитии личности. Б. Г. Ананьев рассматривает внутреннюю речь как форму словесного мышления и словесно-логической памяти, отвергая одностороннее мнение, что внутренняя речь является только интеллектуальной функцией**.

Внутренняя речь является результатом внутренней мотивации и нравственного самосознания конкретного человека. С этой точки зрения, внутренняя речь — это механизм сознания. «Во внутренней речи проявляются все внутренние связи личности, вследствие чего она выступает одним из общих механизмов сознания, изменяющегося на разных ступенях развития личности с изменением предметного содержания ее деятельности» [1, с. 333]***. Это означает, что внутренняя речь изменяется в соответствии с различными уровнями саморазвития. В центре внимания исследований Б. Г. Ананьева находится связь между внутренней речью и личностью.

Помимо функций речи Б. Г. Ананьев касался функции письма. С его точки зрения, внутренняя речь зависит от конкретной речевой модальности, т. е. говорения, слушания, письма или чтения. В зависимости от модальности, в которой происходит речевая деятельность, меняется и форма внутренней речи. Согласно Б. Г. Ананьеву, чтение и письмо существенно влияют на формирование внутренней речи. Б. Г. Ананьев был критиком Л. С. Выготского в целом; в данном случае он критикует одностороннюю ориентацию Л. С. Выготского в отношении (устной) внешней речи.

Б. Г. Ананьев, как и А. Р. Лурия, использует феномены патологии, чтобы подтвердить свои предположения. Учитывая индивидуальные характеристики устной и письменной речи, можно полагать, что у менее грамотных людей обнаруживаются специфические характеристики внутренней речи.

Б. Г. Ананьев, однако, не только различает устную речь и письмо, но также и продуцирование речи, и ее восприятие. Так, он указывает, что, например, во время слушания и чтения характерным признаком является подтекст. «Подтекстом» (subtext) он называет перевод конкретных значений чужой речи в свои собственные семантические структуры. Такой перевод зависит от интеллектуального развития, а также от базисной установки слушателя и читателя [1]****.

Б. Г. Ананьев помимо данных четырех языковых модальностей изучает и другие аспекты проблемы

* Цит. по русскому изданию: Лурия А. Р., Юдович Ф. Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. Экспериментальное исследование. М., 1956. С. 25.

** Б. Г. Ананьев отклоняет полностью абстрактный и формальный подход к рассмотрению внутренней речи (в частности, взгляд Л. С. Выготского, который он отвергает как полностью рационалистическую гипотезу).

*** Цит. по русскому изданию: Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М., 1960. С. 348.

**** При переводе использована соответствующая цитата из русского издания: «Для внутренней речи в структурах слушания и чтения характерна подтекстность, перевод конкретных значений чужой речи в собственные смысловые структуры, определяющиеся умственным развитием и направленностью слушающего и читающего» (Ананьев, 1960, с. 366–367). — Прим. науч. ред.

внутренней речи. Разнообразие переходов в связи с индивидуальными модальностями приводит к предположению о чрезвычайно сложном процессе. Б. Г. Ананьев обобщает это следующим образом: «Говорение и слушание, чтение и письмо — не только разные формы речи, но и разные позиции деятельности личности посредством речи. Именно поэтому формы внутренней речи, их механизмы и фазы процесса всегда своеобразны в зависимости от того, в какой речевой деятельности они формируются» [1, с. 352]*.

Б. Г. Ананьев соглашается с Л. С. Выготским, что внутренняя речь выступает в планирующей роли в отношении как внешней речи, так и действий. Характер внутренней речи находится в тесной зависимости от характера внешней речи. Кроме того, фазный характер внутренней речи в условиях устной речи или практического действия представляет собой переход от неосознанного к осознанному. В силу фазности внутренней речи далеко не всегда сразу осознается возникающий в словесном мышлении смысл. По этой причине смысл мысли часто не может быть немедленно воплощен во внешней речи (устной или письменной). Подобным образом Б. Г. Ананьев поясняет «муки слова» («expression difficulties»). По его мнению, дело заключается в противоречиях между внешней и внутренней речью. Если на начальной стадии внутренней речи будет непосредственное выражение, это приведет к нетипичным действиям, таким, как замалчивание (concealing), обмолвки или письменные ошибки [1]**.

В заключение необходимо отметить, что Б. Г. Ананьев вводит некоторые элементы, расширяющие теорию внутренней речи. Сильная идеологическая установка автора оставляет открытыми многие вопросы, т. е. предположения Б. Г. Ананьева являются крайне механистическими, игнорируется идеалистический взгляд на проблему. Это проявляется в основном в критике Л. С. Выготского. Б. Г. Ананьев обвиняет Л. С. Выготского в слишком рационалистическом подходе, иначе говоря, в слишком когнитивном подходе. По Б. Г. Ананьеву, чувственные аспекты не могут быть исключены, а, скорее, представляют собой фундаментальную точку зрения***. Среди аспектов, расширяющих теорию, высокой оценки заслуживает, например, рассмотрение четырех модальностей (говорение, слушание, письмо и чтение). Б. Г. Ананьев предполагает, что структура внутренней речи зависит от используемой мо-

дальности и, таким образом, может проявляется по-разному. Сказанное слово отличается от написанного слова, так как в основе лежат разные процессы внутренней речи. Это важный момент, который следует учитывать при рассмотрении развития и формирования внутренней речи. Повсеместно используемая устная система всегда зависит от ситуации, от текущего контекста. Для письменной модальности контекст должен быть сначала развернут. Это требует гораздо более хорошей артикулированной и дифференцированной лингвистической формы. Таким образом, письменный язык по праву считается формой с максимально возможным влиянием на внутреннюю речь. Я думаю, что очень важно учитывать влияние грамотности на развитие внутренней речи каждого отдельного человека.

Однако говорение и письмо — это только одна сторона речевого процесса. Б. Г. Ананьев также упоминает рецептивную сторону в форме слушания и чтения. Как и в случае с говорением, уровень грамотности каждого индивида влияет на процессы восприятия — слушание и чтение. Тем не менее я хотела бы подчеркнуть динамический процесс внутренней речи. В зависимости от модальности и языкового уровня, внутренняя речь адаптируется к этим условиям.

Наблюдения Б. Г. Ананьева открывают два дальнейших направления для исследований в области теории формирования внутренней речи. Во-первых, предположение, что внутренняя речь имеет различные функции в каждой из модальностей, предлагает новый взгляд на исследования восприятия речи. Во-вторых, мнение о том, что внутренняя речь принимает участие в развитии личности, связывает ее с исследованиями личности и ведет к интересному вопросу о влиянии (внутренней) речи на развитие личности. В обеих областях должны быть проведены дальнейшие исследования. Наконец, Б. Г. Ананьев описывает внутреннюю речь как «общее выражение строя личности, а тем самым ее жизненной направленности (убеждений, потребностей, интересов, вкусов, привязанностей и пр.)» [1, с. 353]****. Без сомнения, след советских времен присутствует здесь в том, что речь рассматривается как определяющий элемент, который делает человека человеком и затрагивает все высшие психические процессы.

П. Я. Гальперин [6–8] рассматривает развитие внутренней речи в контексте своей теории обучения. Он предполагает, что функционально внутренняя

* Цит. по русскому изданию: Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. 1960. С. 367.

** Напомним, что А. Верани основывается на немецком переводе работы Б. Г. Ананьева и дает свой перевод на английский. В результате тройного перевода, конечно, возникают проблемы с передачей смысла слов и целых предложений. Там где это возможно, мы корректировали перевод в соответствии с оригинальным текстом. Однако в данном случае, чтобы не исказить взгляды Б. Г. Ананьева, целесообразно привести дополнительную цитату из анализируемой статьи: «Однако в том случае, когда исходная фаза внутренней речи непосредственно (особенно в силу аффективного состояния) проявляется в устной речи, мы действительно сталкиваемся с теми ошибочными действиями речи (обмолвки, оговорки, описки), которые так тенденциозно были истолкованы Фрейдом» (там же, с. 368). — *Прим. науч. ред.*

*** Приведем соответствующую цитату из статьи Б. Г. Ананьева: «Отрыв мышления-речи от его чувственной основы, производимый Л. С. Выготским, неизбежно должен был исказить ценные зерна в его гипотезе» (там же, с. 357). К сожалению, в обширной работе Б. Г. Ананьева почти полностью отсутствуют библиографические ссылки, в том числе при критике других авторов. — *Прим. науч. ред.*

**** Цит. по русскому изданию: Ананьев Б. Г. 1960. С. 369.

речь служит для регулирования поведения и создания (create) интеллектуальной деятельности. П. Я. Гальперина интересовало изучение процессов интериоризации или, другими словами, как с помощью внутренней речи строится психическая деятельность. Он создал теорию поэтапного формирования умственных действий. П. Я. Гальперин различает три этапа действий: (1) обеспечение основы для ориентировки, (2) выполнение реальных действий (также включают в себя различные этапы), (3) действие контроля*.

Он полагает, что основным условием любой психической деятельности является ориентировка личности. Выполнение реальных действий состоит из пяти этапов, которые можно обобщить следующим образом: каждая психическая деятельность происходит из материального или материализованного действия. Эти внешние материальные действия сопровождаются речью и, наконец, переходят к стадии развернутой речи (unfolded speaking). Если этот развернутый этап достигнут, высказывания сокращаются и интериоризируются. Внутренняя речь служит для организации сложной интеллектуальной деятельности, которую П. Я. Гальперин называл умственным действием. Умственные действия в определенной степени — это базовые модули интеллектуальной деятельности человека. Умственные действия происходят, по П. Я. Гальперину, из сокращенной речи. Мысли воплощаются в процессах внутренней речи. Функция умственных действий заключается в понимании внешней деятельности и регуляции соответствующего поведения. Умственные действия становятся возможными благодаря внутренней речи, так же как и мышление. Стадия контроля является заключительным этапом действий [8].

На мой взгляд, теория П. Я. Гальперина особенно интересна в контексте теорий обучения (learning theories). Его представление о развитии через этапы умственного действия описывает весьма достоверную модель интериоризации. Он объясняет, как внутренняя речь может формироваться с помощью внешней речи. Совместные действия вместе с инструктором, хорошее понимание конкретного действия, а также правильное языковое обозначение действия приводят к внутренней форме, способствуя автоматизации действий. Теория П. Я. Гальперина свидетельствует в пользу того факта, что внешняя речь формирует внутреннюю речь и, следовательно, мышление и поступки. Кроме того, П. Я. Гальперин ссылается на тот факт, что сокращение речи сначала происходит во внешней речи, а затем во внутренней, что ведет к автоматизированной речи, а также к умственным

действиям, и, следовательно, мышлению. Такая интерпретация может привести к предположению, что мышление не является языковым, поскольку оно основывается на интериоризированных автоматизированных действиях. Это вполне вероятно, но при столкновении с трудностями существует возможность вернуться к более ранней стадии. Например, ученик вербализует то, что он думает (свои размышления), или начинает действовать с материальным объектом. Кроме того, преподаватель может совершать действия с помощью более ранних этапов при обращении к ученику. Это, по-видимому, является ключевым моментом: способ речи оказывается критерием степени развития у человека надежного действия.

Возникает вопрос о практическом применении этих выводов. В частности, они применимы к освоению языка. В этой связи необходимо уделять внимание, как дети учатся говорить, как учатся общаться и учатся интериоризировать речь таким образом, чтобы она далее была полезной для мышления. В определенной степени должна рассматриваться оптимизация внутренней речи во время освоения языка. Теория П. Я. Гальперина хорошо здесь применима, потому что <схема> процесса перехода от материального действия к внутренней речи через внешнюю речь легко переносится на процесс освоения языка.

В самом деле, предположение, что внутренняя речь представляет собой процесс, делает ее трудным для наблюдения и описания. Однако, с моей точки зрения, мысли представляют собой полное испарение (evaporation) слова. И наоборот, оформление мыслей в слова аналогично процессу конденсации; бессознательные элементы внутренних психических процессов не являются языковыми. Речь, в частности внутренняя, представляет собой основу для превращения психического содержания в сознательное.

Наконец, у А. Н. Соколова [21; 22] несколько иной взгляд на внутреннюю речь. Он различает внутреннюю речь, которая служит инструментом для мышления, и развернутую внутреннюю речь (внутренний разговор), которая имеет отношение к продуцированию речи и ее осмыслению. Таким образом, А. Н. Соколов связывает внутреннюю речь не только с мышлением, но и с обработкой речи. Он утверждает, что изучение внутренней речи носило преимущественно теоретический характер, изучались в основном общие вопросы, связанные с генезисом внутренней речи и с ее синтаксической и семантической структурой**. Сам А. Н. Соколов проявлял большой интерес к эмпирическому исследованию внутренней речи.

* Здесь и далее мы сознательно оставляем описание взглядов П. Я. Гальперина без существенного редактирования, поскольку, как справедливо отметил Г. А. Цукерман в своей рецензии английской версии статьи А. Верани: «Знатокам культурно-исторической теории могут быть интересны некоторые упрощения в интерпретации текстов Выготского и Гальперина, связанные с когнитивистскими установками западного психолингвиста». — *Прим. науч. ред.*

** А. Н. Соколов соглашается с работами Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева и П. П. Блонского и их мнением, что внутренняя речь играет важную роль для словесного мышления и для словесно-логической памяти.

А. Н. Соколов соглашается с Л. С. Выготским, который определяет внутреннюю речь как речь с самим собой*. Одним словом, внутренняя речь является инструментом мышления: в определенной степени внутренняя речь организует мышление, поддерживает его целенаправленный характер и служит для логического завершения мышления. Прежде всего внутренняя речь помогает логической организации мышления. «Внутренняя речь, по Выготскому, во всех своих основных признаках и отношениях — генетическом, структурном и функциональном — представляет собой совершенно особое и своеобразное психологическое явление: она есть «живой процесс рождения мысли в слове» и, как таковая, отражает чрезвычайную сложность взаимоотношения мышления и речи, их противоречивое единство» [22, с. 46]**.

По А. Н. Соколову, внутренняя речь является весьма динамичной структурой, которая постоянно изменяется в ходе развития. Помимо сокращения структуры внутренняя речь становится все более закодированной. «Внутренняя речь организует и направляет мысль, поддерживает ее целенаправленный характер и ведет к логическому завершению весь процесс. Это — форма речи, которая обладает весьма динамичной и изменчивой структурой и приспособлена для выполнения функций мышления» [21, с. 90f].

А. Н. Соколов [21; 22] посвятил свои эмпирические исследования изучению внутренней речи и чтению про себя. В этих исследованиях он осуществлял электромиографические измерения. Он исходил из того, что внутренняя речь сопровождается слабой активацией речевой моторики, регистрация которой открывает возможность изучения языкового механизма мышления. Таким образом, его исследование показали усиление речедвигательной импульсации, когда испытуемый должен был выполнить новые и сложные задачи (например, решение комплексных задач). Снижение речедвигательной активности наблюдалось, если процессы мышления были уже обобщенными и автоматизированными. А. Н. Соколов пришел к выводу, что эти потенциалы действия, измеряемые в органах речи, типичны для языкового характера процессов мышления. Кроме этого, интересные наблюдения были произведены во время чрезвычайно трудных умственных задач; например, когда испытуемый был не способен решить задачу, речедвигательная активация резко снижалась.

По данным А. Н. Соколова, внутренняя речь представляет собой важный базовый механизм для

процессов мышления. Функции внутренней речи содержат в себе точный отбор, обобщение и хранение сенсорной информации. Мышление и речь, тем не менее, никогда не тождественны, потому что мышление основывается на постоянном взаимодействии вербальной и сенсорной информации; в определенной степени, мышление содержит не только речевой компонент.

В заключении А. Н. Соколов рассматривает моторно-кинестетические гипотезы, которые он стремится поддержать своими электромиографическими исследованиями. Его результаты чрезвычайно важны для исследований в области внутренней речи, потому что он смог показать, что электромиографические потенциалы зависят от нескольких факторов, например, от характеристик самой задачи: ее новизна и сложность. Кроме того, интересно, что электромиографические потенциалы не возрастают постоянно, а, скорее, увеличиваются и уменьшаются. Эти выводы свидетельствуют, что внутренняя речь не только возрастает в зависимости от сложности поставленной задачи, но и уменьшается или остается на том же уровне, если задача является чрезмерно сложной для данного испытуемого. Становится очевидным, что внутренняя речь не является побочным продуктом мышления, а скорее активным механизмом, который регулирует и организует мышление.

А. Н. Соколов определил широкий спектр возможных приложений внутренней речи. Не только сокращенная внутренняя речь, которая рассматривается в качестве инструмента для мышления и, в частности, для логической структуры мышления, но и развернутая внутренняя речь является ответственной за говорение, артикуляцию и, следовательно, находится ближе к элементам общей обработки речи.

Заключение

Важным достоинством советской психологии является то, что она подчеркивает значение языковых процессов во всех остальных психических процессах. В частности, функции внутренней речи можно оценить следующим образом. Внутренняя речь имеет функциональное отношение к аспектам мышления, как коммуникативно, так и когнитивно опосредованным. Похоже, что внутренняя речь является связующим звеном между коммуникативными и когнитивными способностями. Краткое описание функций внутренней речи различными авторами представлено в таблице.

* Хотя перевод статьи А. Верани верный, но сам А. Н. Соколов несколько иначе формулирует эту характеристику внутренней речи. Во-первых, он констатирует, что Л. С. Выготский «сделал первую попытку теоретически разобраться в специфических особенностях внутренней речи как речи “про себя” и “для себя” и наметил ряд предположений относительно генезиса внутренней речи, ее синтаксиса и семантики» (Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1967. С. 40); во-вторых, он действительно соглашался с Выготским, но с определенным дополнением: внутренняя речь «выполняет главным образом функцию мышления (и в этом смысле Выготский имел все основания называть ее речью “про себя” и “для себя”), тем не менее она выполняет очень важные подготовительные функции для общения людей» (там же. с. 56). — *Прим. науч. ред.*

** Цит. по русскому изданию: Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1967. С. 40.

Когда возникают вопросы о генезисе внутренней речи, коммуникативные аспекты выходят на первый план. По Л. С. Выготскому, коммуникация является первой функцией речи, которая используется в целях регулирования социального действия. Таким образом, коммуникация играет центральную роль, потому что, кратко говоря, речь развивается в социальных речевых актах. Данная коммуникативная структура обладает основополагающим значением для овладения языком: без диалогической структуры мы не способны овладеть речью. Внешняя (социальная) речь интериоризируется и, тем самым, трансформируется во внутреннюю речь. Социальное действие означает, что психологические родители реагируют на экспрессию ребенка, который пытается воспринять их намерения*. Психологический родитель осуществляет регулятивные функции речи и, следовательно, регуляцию поведения с помощью слов. Слово в связи с этим приобретает качественно более высокий уровень. Ребенок обзаводится системой словесных инструкций, которые он может использовать для регулирования своего поведения. Эти процессы развития в конечном счете приводят ребенка к саморегуляции (А. Р. Лурия). Таким образом, диалогическая структура (внешней) коммуникации играет основополагающую роль; внутренняя речь развивается из интериоризированных коммуникативных актов. Мы не можем сказать о речи по-другому; речь состоит из разговоров с другими людьми, а также из разговоров с собой. При точном разборе этой идеи обучение без этого диалогического принципа не представляется возможным. Диалоги происходят не только между собеседниками, но и наедине с собой (речь также обращена к интериоризированному, воображаемому существу) либо в дискурсе между читателями и книгами. Диалог, таким образом, является основополагающим элементом социального взаимодействия, который существует с момента рождения.

Ожидается, что интериоризированная форма становится богаче, и она колеблется между перспективой обучения и перспективой преподавания. П. Я. Гальперин, например, тесно увязывает развитие внутренней речи с общением между преподавателем и учеником. Кроме того, коммуникативные аспекты в порождении и восприятии языка относятся к соответствующей функции внутренней речи (Б. Г. Ананьев, А. Н. Соколов).

В отношении когнитивных аспектов внутренняя речь является мощным образованием между мышлением и речью; здесь внутренняя речь рассматривается в тесной связи со всеми когнитивными процессами. Это представлено в выражениях, в которых внутренняя речь обычно признается в качестве необходимой для мышления (Л. С. Выготский), или, в частно-

сти, как инструмент мышления (П. Я. Гальперин, А. Н. Соколов). Внутренняя речь также играет определенную роль в организации сложной интеллектуальной деятельности (П. Я. Гальперин). Она является одной из форм словесно-логической памяти, которая определяется убеждениями, мировоззрением, а также нравственным самосознанием (Б. Г. Ананьев). Самую центральную функцию внутренней речи можно свести к регуляции. Внутренняя речь обслуживает ориентировку (Л. С. Выготский), саморегуляцию (регуляцию поведения), а также контроль интеллектуальных и поведенческих элементов (А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин). Внутренняя речь необходима для осознания трудностей (рефлексия) и для их преодоления (решение задач) (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия). Однако в отношении процессов планирования внутренняя речь предполагает другую существенную функцию (Б. Г. Ананьев). Внутренняя речь участвует в формировании нашего сознания (А. Р. Лурия), что тесно связано с формированием волевых актов и личности (А. Р. Лурия, Б. Г. Ананьев).

Это весьма краткое заключительное описание функций внутренней речи проясняет тесную связь внутренней речи и высших психических процессов. Внутренняя речь является важным явлением, которое должно приниматься во внимание при исследовании высших психических процессов. Внутренняя речь является инструментом мышления, а также инструментом регуляции. Регуляция относится к таким аспектам, как ориентировка, апперцепция, рефлексия, регуляция поведения, планирование и решение задач. Кроме того, внутренняя речь влияет на все аспекты обработки языка (продуцирование и восприятие). И, наконец, внутренняя речь является ответственной за формирование сознания, волевых актов и личности.

Основателем исследований в области внутренней речи можно считать Л. С. Выготского. Его основополагающие идеи о внутренней речи были впоследствии пересмотрены и получили дальнейшую разработку его учениками. Продолжение и развитие советской школы должно, на мой взгляд, стать одним из приоритетов психолингвистических исследований. Это будет настоящий вызов в трех различных исследовательских областях: во-первых, продолжение теоретических споров о роли языковых процессов во всех познавательных функциях (например, более тесное переплетение лингвистических и познавательных процессов). Во-вторых, эмпирическое исследование внутренней речи как ключ к пониманию когнитивной обработки. В-третьих, практикоориентированный перенос результатов научных исследований (например, языковое обучение в общем порядке, а также оптимизация внутренней речи в особом порядке) должен быть связан с потребностями и развитием личности.

* Термин «социальное действие» выбран, чтобы отличить его от термина Л. С. Выготского «социальная речь», поскольку ребенок вначале не использует социальную речь. Именно психологический родитель выполняет социальное действие посредством говорения и интерпретации ситуации.

Резюме функций внутренней речи

Автор	Функции внутренней речи
Л. С. Выготский	<ul style="list-style-type: none"> • Умственная ориентировка • Осознание и преодоление трудностей / ограничений • Речь для себя • Мысль
А. Р. Лурия	<ul style="list-style-type: none"> • Обогащение непосредственной апперцепции • Прямое внимание (ориентировка) • Саморегуляция (регуляция всех психических и поведенческих действий) • Регуляция (особенно интеллектуальных и поведенческих элементов) • Связующее звено между мыслью и словом • Формирование сознания • Формирование волевых актов
Б. Г. Ананьев	<ul style="list-style-type: none"> • Общий механизм сознания, тесно связанный с личностью и развитием личности • Вид словесно-логической памяти, находящийся под влиянием убеждений, мировоззрения и морального самосознания • Функция планирования • Формирование речи (говорение, слушание) и письма (письмо и чтение), а также продуцирование и восприятие языка
П. Я. Гальперин	<ul style="list-style-type: none"> • Инструмент мышления • Создание сложной умственной деятельности (= умственное действие) • Регуляция поведения
А. Н. Соколов	<ul style="list-style-type: none"> • Инструмент мышления (сокращенная внутренняя речь) • Понимание и продуцирование языка (развернутая внутренняя речь (внутреннее говорение)) • Фундаментальный механизм для мышления: целенаправленный отбор, обобщение и хранение сенсорной информации
Резюме А. Верани	<p>Включенность внутренней речи в высшие психические процессы означает:</p> <ul style="list-style-type: none"> • инструмент мышления • регуляцию (включая ориентировку, апперцепцию, рефлексию, регуляцию поведения, планирование, решение задач) • обработку языка (включая продуцирование и восприятие) • формирование сознания • формирование волевых актов • формирование личности

References

1. *Ananjew B. G.* Psychologie der sinnlichen Erkenntnis. Berlin, 1963.
2. *Anderson J. R.* Kognitive Psychologie. Heidelberg; Berlin, 2001.
3. *Budilowa E. A.* Die Entwicklung theoretischer Prinzipien in der sowjetischen Psychologie und das Problem des Denkens // Budilowa E. A. (hrsg.). Untersuchungen des Denkens in der sowjetischen Psychologie. Berlin, 1967.
4. *Chaiklin S.* (ed.) The Theory and Practice of Cultural-Historical Psychology. Aarhus, 2001.
5. *Cutler A.* (ed.) Twenty-First Century Psycholinguistics: Four Cornerstones. Mahwah, N. J., 2005.
6. *Galperin P.* Die Entwicklung der Untersuchungen über die Bildung geistiger Operationen // Hiebsch H.: Ergebnisse der sowjetischen Psychologie. Berlin, 1967.
7. *Galperin P.* Die Psychologie des Denkens und die Lehre von der etappenweisen Ausbildung geistiger Handlungen // Budilowa E. A. Untersuchungen des Denkens in der sowjetischen Psychologie. Berlin, 1967.
8. *Galperin P. J.* Die geistige Handlung als Grundlage für die Bildung von Gedanken und Vorstellungen // Galperin P. J., Leontjew A. N. Probleme der Lerntheorie. Berlin, 1972.
9. *Hiebsch H.* Ergebnisse der sowjetischen Psychologie. Berlin, 1967.
10. *Hörmann H.* Meinen und Verstehen. Frankfurt am Main, 1976.
11. *Kegel G.* Gegenstand und Aufgaben der Psycholinguistik // Forschungsberichte des Instituts für Phonetik und Sprachliche Kommunikation der Universität München, 1977.
12. *Keiler P.* Feuerbach, Wygotski & Co. Berlin; Hamburg, 1977.
13. *Keiler P.* Lev Wygotskij – ein Leben für die Psychologie. Weinheim und Basel, 2002.
14. *Luria A. R.* Sprache und Bewusstsein. Berlin, 1982.
15. *Luria A. R.* Language and Cognition. N. Y., 1982.
16. *Luria A. R.* Das Gehirn in Aktion – Einführung in die Neuropsychologie. Reinbek bei Hamburg, 1992.
17. *Luria A. R., Judowitsch F. Y.* Funktionen der Sprache in der geistigen Entwicklung des Kindes, Sprache und Lernen. Band 2; Internationale Studien zur pädagogischen Psychologie. Düsseldorf, 1970.
18. *Matthäus W.* Sowjetische Denkpsychologie. Göttingen, 1988.
19. *Mead G. H.* Mind, Self and Society. Chicago, 1967.
20. *Mead G. H.* Geist, Identität und Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1968.
21. *Sokolov A. N.* 'Internal speech and thought'. International Journal of Psychology. 1971. 6.
22. *Sokolov A. N.* Inner Speech and Thought. N. Y., 1972.
23. *Vygotsky L. S.* Thought and Language. Cambridge (Mass.), 1986.
24. *Vygotskij L. S.* Denken und Sprechen. Weinheim und Basel, 2002.
25. *Werani A.* Die kulturhistorische Schule der sowjetischen Psychologie // Werani A., Bertau M.-C., Kegel G. (hrsg.). Psycholinguistische Studien 1. Aachen, 2003.
26. *Werani A.* Innere Sprache und Aphasie // Werani A., Bertau M.-C., Kegel G. (hrsg.). Psycholinguistische Studien 1. Aachen, 2003.
27. *Werani A.* (in preparation). Inneres Sprechen. Eine Suche nach Indizien zur Funktion und Struktur inneren Sprechens beim Problemlösen.
28. *Wertsch J. V.* Voices of the Mind. A Sociocultural Approach to Mediated Action. Cambridge, 1991.
29. *Wertsch J.* 'Wygotskij und die gesellschaftliche Bildung des Bewusstseins', Internationale Studien zur Tätigkeitstheorie 2 (hrsg. G. Ruckriem). Marburg, 1988.

The Role of Inner Speech in Higher Mental Processes

Anke Werani

Dr., member of the scientific staff at the Institute of Phonetics and Speech Processing, University of München, Germany

The functions of inner speech as an essential and important process that interrelates speaking and thinking are discussed in this article. Since the foundation of 'Cultural-Historical Psychology' by Vygotsky, research on the relation and connection between thinking and speaking has become more intense. Vygotsky assumes that the research of speaking and thinking contains the comprehension of complex functions of human consciousness (Vygotsky, 2002). In this context, encompassing functions of speech and functions of consciousness, the interest in inner speech has increased. Inner speech has, however, also become an important research area for psycholinguistic studies. It has finally become clear that the role of speech must be better integrated in the research of thinking processes, regulation functions, language processes, consciousness, voluntary acts and the development of personality.

Keywords: cultural-historical psychology – speaking and thinking – inner speech – genesis of inner speech – functions of inner speech.